

*Original research paper**Received: 28.01.2021
Accepted: 20.02.2021*

ПОЛЬСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКИХ МЕМУАРАХ КОНЦА XIX ВЕКА В СВЕТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Ольга Зуева

ORCID: 0000-0002-9686-6268

*Белорусский государственный университет**Минск, Беларусь**zuyeva.volha@gmail.com*

Ключевые слова: *заимствование, иноязычное вкрапление, польский язык, русский язык, лексика, текстовая функция, мемуары, XIX век*

Введение

Польские слова и выражения, на разных исторических этапах входившие в русскую речь и имевшие в русском языке различную судьбу, являются давним объектом лингвистического изучения. Установлен и описан широкий круг лексем, пришедших в русский язык из польского языка, причем списки слов постоянно уточняются и дополняются [см.: Witkowski 2006; Гарбуль 2019; Шетэля 2019]. Современные исследователи обращаются к изучению полонизмов как средств стилизации в языке современной художественной прозы [Уразбекова 2019], как элементов русской языковой картины мира [Удалых 2018]; определен состав и характер функционирования лексических заимствований из польского языка в различных жанрах и сферах коммуникации на разных исторических периодах [см.: Щитова 2006; Гарбуль 2009; Гадимова 2014; Уразбекова 2014; Шетэля 2017, 2020].

В связи с изучением в данном национальном языке слов иноязычного происхождения традиционно возникает терминологическая и методологическая проблема – как номинировать и как классифицировать эти слова. Ученые, исследующие влияние польского языка на русский, используют номинации «полонизм», «иноязычное вкрапление», и при широком понимании явления «языковое заим-

ствование» эти номинации можно считать синонимами. При этом очевидно, что разные заимствуемые на тех или иных исторических этапах слова оказываются по-разному освоенными в данном языке. За многовековую историю взаимодействия восточнославянских и западнославянских языков многие польские слова были полностью освоены лексической системой русского языка; возможно, они даже не всегда осознаются носителями русского языка – нелингвистами как заимствования (например, *арестовать*, *булка*, *вензель*, *збруя* и др.). Эти многочисленные номинативные единицы зафиксированы в словарях. Употребление таких слов в речи не требует от говорящего метакоммуникативного усилия, специального маркирования того, что данное слово «чужое» в языке (комментирование, интонационное выделение, графические способы при передаче на письме и др.). Также от слушающего не требуется усилия для понимания, например, грамматической формы слова. Если же при употреблении слова говорящие используют различные способы подчеркивания «чужеродности» номинативной единицы, если номинация отсутствует в словаре (критерий, впрочем, значимый только для профессионального языкового сознания и при наличии надежных лексикографических источников) – в таком случае на данном периоде истории русского языка слово является фактом речи. Именно такие слова и выражения из польского языка стали объектом нашего исследования.

Существует множество подходов к определению термина «иноязычное вкрапление» [см.: Гадимова 2014; Захарова 2019]. В данной работе под иноязычными вкраплениями мы понимаем любые по величине «фрагменты текста на чужом языке, полностью или частично включенные в русский текст, а также формы передачи иностранного акцента средствами русской графики» [Захарова 2019: 73]. «Иноязычные вкрапления относятся к неассимилированной лексике и не принадлежат к системе использующего их языка, они не закреплены в толковых словарях, а также в словарях иноязычных слов» [Манина 2008: 141]. Отметим, что применительно истории русского литературного языка второй половины XIX века данный критерий не вполне применим. Известно, что первые лексикографические опыты описания польских слов в русском языке относятся к 1860-м гг.; в словаре В.И. Даля имеются пометы, указывающие на происхождение слов; академиком Я.К. Гротом был составлен список польских слов в русском языке. В 1910 г. был издан *Словарь иностранных слов* А.Н. Чудинова, включающий значительный пласт слов, пришедших из польского языка в русскую речь. Однако опираться на данные источники для того, чтобы делать вывод о степени освоения польских слов русским языком во второй половине XIX века, затруднительно. В перечне Я.К. Грота нет, например, слов *ксендз* и *пан* – при том что в XIX в. эти слова были давно освоенными русским языком полонизмами¹;

¹ Само слово *полонизм* претерпело семантическое изменение в истории русского языка. В середине – второй половине XIX века оно употреблялось в значениях ‘польское влияние’, ‘любовь ко всему польскому’, см. примеры из Национального корпуса русского языка: *Полонизм твой меня чрезвычайно радует* (П.В. Киреевский, *Письмо Е.И. Елагиной*, 1849); *Можно даже предположить, что полонизм ее исчез без следа...* (Е.М. Феоктистов,

номинации включены в словарь В.И. Даля. В словаре А.Н. Чудинова содержатся различные номинации лиц, пришедшие из польского языка и представленные в изученных нами источниках как польские вкрапления (*довудца*, *косин(ь)ер*, *маршалек*) – но при этом ряд слов других тематических групп, также функционирующие в наших источниках и фиксируемые в текстах соответствующего периода в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ), не отражены.

Изучение иноязычных вкраплений, то есть единиц, относящихся к неассимилированной лексике, в текстах различных жанров на том или ином историческом этапе представляет интерес для разных филологических дисциплин. Мы останавливаемся на значимости анализируемого материала для истории русского литературного языка (состав и статус языковых единиц в лексической системе конца XIX века; характер их стилистических коннотаций; судьба данных номинаций в русском языке – исчезновение или переход в разряд общеязыковых полонизмов) и для лингвистики текста (способы введения единиц в высказывание и обеспечение связности текста; проявление авторской модальности; связь собственно языкового измерения текста с его жанром. Приемы введения слов и выражений в текст отражают рефлексию автора, эксплицируют наивно-языковое сознание представителя определенного языкового коллектива.

80–90-е гг. XIX века – время появления в русской печати ряда мемуаров о польском восстании 1863 г. и последовавших после его подавления событиях. Выдающийся и глубоко трагический период истории Польши освещен в них односторонне, и характеристики событий, происходивших в том числе на исторических белорусских землях в составе Российской империи, нередко одиозны. Не озвучить данное наблюдение нельзя. Оно важно для нас тем, что напоминает об извечности оппозиции «свой – чужой» в общественно-политическом дискурсе и одновременно об историчности содержательного наполнения этой оппозиции. Авторы мемуаров принадлежали к определенному социальному кругу, они были «людьми своего времени», и авторская модальность текстов (применительно к разным фрагментам изученных источников – от сочувствующей до осуждающей) является отражением тех ценностей и убеждений, которые характеризовали соответствующие круги и эпоху.

Источниками нашего исследования стали две публикации в журнале консервативно-монархического направления «Исторический вестник»: *Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа* С.Т. Славутинского (1889 г.) и *В мятежном крае* И.В. Любарского (1895 г.). И.В. Любарский, журналист, литератор, служил в 1860–64 гг. полковым врачом в г. Лиде Виленской губернии. В его мемуарах много прямой речи, в которой воспроизводятся

Воспоминания, 1896). См также в анализируемых нами мемуарах: ...*еще не тронутый полонизмом* [Любарский 1895: 455–456]. В данном значении слово *полонизм* употреблялось в различных стилях речи в 1910-х гг. и позже. К 1930-м гг. это значение уходит, и в «Толковом словаре русского языка», изданном под редакцией Д.Н. Ушакова в 1935–1940 гг., слово приводится как единица лингвистической терминологии, без указания наличия у него иной семантики.

и фонетические, и грамматические особенности польского языка. Литератор С.Т. Славутинский служил с 1866 г. в Гродненской губернии мировым посредником; он не был участником или очевидцем многих из описываемых и характеризующих их событий, в его воспоминаниях пересказываются сюжеты, очевидно, сообщенные ему в годы службы, и изложена рефлексия относительно этих сюжетов.

Из широкого круга иноязычных вкраплений, представленных в проанализированных источниках, мы останавливаемся в рамках данной работы только на тех, которые маркированы в тексте – графическими средствами, особенностями композиции текстового фрагмента, средствами метакоммуникации. Такие явные польские вкрапления, как *круль, ойчизна, паненка, тутэйшая парафия, хлоп* и многие другие, нами далее не анализируются, потому что в текстах эти лексемы не выделены авторами одним из означенных способов. **Объект** анализа – польские вкрапления в текстах воспоминаний, а именно такие слова и выражения, которые сопровождаются в письменной речи специальными вербальными или невербальными маркерами. Например: *...по вечерам захаживал даже в цукерни, особенно же одну* [Славутинский 1889: 69]; *Он жил в Гродне, управляя всеми «королевицизнами» в Литве* [Славутинский 1889: 60]; *Вне семейной жизни, общественная жизнь... сосредоточивалась в цукерне (кондитерской)*² [Любарский 1895а: 819–820] и др. Такие единицы мы называем далее также «маркированные вкрапления».

Цель исследования – определить место польских вкраплений, извлеченных из мемуарных текстов конца XIX в., в истории русского литературного языка и определить роль способов их включения в повествование от первого лица в текстопостроении.

Задачи исследования: семантическая классификация маркированных польских вкраплений в текстах воспоминаний; типологизация способов их введения в авторскую речь – повествование от первого лица; определение функции маркирования польских вкраплений в процессе построения мемуарного текста.

Состав, способы маркирования и текстообразующая функция польских вкраплений

В двух проанализированных текстах мы выявили более 60 примеров словоупотреблений, которые относим к маркированным польским вкраплениям (это количество представляет примерно треть от всех полонизмов, отмеченных нами в двух мемуарах). В этих примерах представлены 53 разные единицы – слова различных частей речи (абсолютно преобладают имена существительные, что закономерно), а также высказывания устойчивого характера на польском языке, приведенные в кириллической либо латинской записи.

² Здесь и далее примеры приводятся в современной орфографии; пунктуация сохраняется такая, как в изданиях текстов в «Историческом вестнике».

Среди маркированных польских вкраплений мы выделяем следующие **семантические группы** (перечень примеров носит иллюстративный характер; слова приводятся без сопровождающих их толкований):

1. Номинации лиц:

1.1. По роду занятий (*довудца, консильяж, косиньер, курьерка, официалист, терцярка*).

1.2. По социальному статусу (*обыватель, быдло*).

1.3. По родственным и социальным связям (*братанок, родак*).

2. Номинации, связанные с церковно-религиозной сферой:

2.1. Названия церковных служб, ритуалов, таинств (*миа, набоженство, покута*).

2.2. Названия элементов и атрибутов церковных ритуалов (*оковита, офяра*).

2.3. Номинация церковных строений, частей ритуального интерьера (*фара, конфессионал*).

2.4. Характеристика «чужой веры» (*схизматицкая [вера]*).

3. Номинации, относящиеся к общественно-политической лексике:

3.1. Названия Царства Польского и территориальных единиц в его составе (*конгрессувка, королевицзна*).

3.2. Иносказательное название повстанческого движения (*[польская] справа*).

3.3. Название органа управления (*ржонд*).

3.4. Названия процессов, действий, явлений (*повстанье, одбудование [ойчизны], скасовывались, [бежать] до лясу*).

3.5. Характеристики в составе устойчивых номинаций лиц, явлений, процессов (*народовый, вступьный*).

4. Названия процессов и отвлеченных понятий, относящихся к военному делу (*номинация, рухавка*).

6. Оценочные характеристики лиц (*коханый, шляхетный*).

7. Обиходно-бытовая лексика – названия пищи, одежды (метонимическое обозначение), заведений (*кова, жалоба, заездный дом, цукерня*).

8. Имена собственные – антропонимы, топонимы (*Тызенгауз, Наполеон, Мендзержице*).

Первая и вторая группы оказались наиболее многочисленны (причем группа «Номинации лиц» количественно значительно превосходит группу «Номинации, связанные с церковно-религиозной сферой»). Группы выделены в результате классификации отдельных номинативных единиц, включенных в авторское повествование. В текстах также присутствуют целые высказывания на польском языке (*Ниц не уме; Kochajmy sie; Пшепрашам бардзо* и др.); такие примеры немногочисленны.

Названия и характеристики лиц, как правило, имеют отрицательные коннотации. К примеру, слово *цибулизованный* ‘цивилизованный, образованный’ (...*во всем подражали полькам, причем наибольшее усердие проявляли «цибулизованные израелитки»* [Любарский 1895б: 837]), известное русскому

языку конца XIX в.; его употребление в издании словаря В.И. Даля 1909 г., вышедшего под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ, охарактеризовано так: «польск. *cybulizowany*, шут., вульг., пошло, о евреях, “цивилизованный”, образованный» [Даль 1909: стб. 1260]. Как известно, профессор И. =А. Бодуэн де Куртенэ дополнил словарь обширнейшим лексическим материалом, и это прилагательное относится к числу тех единиц, которые были введены редактором. Помещение слова в лексикографический источник свидетельствует о его употреблении в определенных социальных кругах. Автор мемуаров заключает выражение в кавычки, тем самым дистанцируясь от него и одновременно давая ироничную оценку как объекту номинации, так и тем лицам, которыми выражение используется.

Ни одна из отмеченных лексических единиц не осталась в русском литературном языке в каком бы то ни было другом статусе, кроме как экзотизма или варваризма, причем называющего реалию прошлого. Мы сравнили полученный нами языковой материал (53 единицы) с данными из текстов до 1910 г., представленными в НКРЯ. Из 53 единиц в НКРЯ не обнаружена 21 (*братанок, консульяж, курьерка, одбудование, оковита, терцярка, фара* и другие). При сравнении материалов мемуаров и данных НКРЯ мы искали полного формального и семантического тождества номинаций. Так, слово *кова* ‘кофе’ в воспоминаниях И.В. Любарского оказалось уникальным; его форма отражает произношения слова по-польски и вызывает вопрос, не является ли она ошибкой памяти автора или оговоркой», связанной с рифмовкой слов, см. контекст: *Проше панство, пока, кова (кофе) готова* [Любарский 1895б: 450]. Тем не менее мы не можем не учитывать этот пример. Данные НКРЯ привлекались для того, чтобы увидеть функционирование описываемых нами слов и выражений не только в отдельных текстах, но в разножанровом пространстве русского литературного языка второй половины – начала XX века.

Почти все маркированные польские вкрапления имеют соответствие (одно- либо неоднословное) в русском языке второй половины XIX века и переводятся без утраты смысла. В разных частях одного и того же тексте могут использоваться синонимы: *офяра – пожертвование; цукерня – кондитерская*. Непереводимые номинации являются обозначением лиц и отвлеченных, в том числе ценностно окрашенных понятий, которые не были актуальными для русскоязычной части Российской Империи того времени. Авторы мемуаров прибегают к описательному толкованию их значений: *Образовался особый род агенток, под названием курьерок...* [Любарский 1895б: 174]; *Прежде всего на службу пошли так называемые терцярки. Это – участницы церковных братств, обязанные по своему уставу ежедневно ходить в костел...* [там же]. В обоих примерах используются обороты, выделяющие номинации в высказываниях и маркирующих их «иносистемность» по отношению к русскому языку.

Описываемые польские вкрапления отражают семантические процессы в лексике славянских языков. Например, слово *офяра* в текстах называет

не любое церковное пожертвование, но именно на нужды восстания; существительное *справа* относится к устойчивому выражению *польская справа*; сочетание *до ясу* используется только в значении 'по направлению к повстанцам' и встречается в составе устойчивого выражения *бежать до ясу* (ср. контексты, ярко разграничивающие разные значения: *Как ярый поляк, он бежал до ясу в самом начале мятежа – ...повстанец и этапные арестанты из поляков бежали в лес, но русские арестанты показали себя молодцами*, описание боя под Жиржином летом 1863 г. [Любарский 1895б: 460]). Сужение и фразеологизация значений произошли в польском языке, и русская речь восприняла эти семантические трансформации.

Введение в тексты польских вкраплений названных тематических групп решало различные стилистические и прагматические задачи авторов, на которых мы не видим необходимости останавливаться в данной статье. На наш взгляд, список этих задач в принципе исчислим и закрыт, и в каждом конкретном тексте можно увидеть лишь ту или иную языковую иллюстрацию уже известных задач [см., например: Манина 2008; Агеева 2014]. Иной аспект – причины, по которым авторы находили **необходимым маркировать** польские вкрапления. Это обеспечение адекватного понимания текста читателем, выделение наиболее значимых в идеологическом отношении номинаций, а также выражение авторской иронии. Полагаем, эти причины выступали в комплексе.

В текстах воспоминаний отмечены следующие **способы метакоммуникативного комментирования** польских вкраплений:

1. Перевод или толкование в скобках, приводимые сразу после употребления слова: *...на всякое религиозное или политическое дело, какое им указывалось из тайника конфессионала (исповедальни)* [Любарский 1895б: 174–175]; *Положим, поляки – шляхетный (благородный) народ; но все зависит от обстоятельств* [Любарский 1895б: 174]; *...во второй линии поставлены косиньеры (с заостренными косами на длинных древках)* [Любарский 1895б: 166–167] и др. Это основной способ комментирования в мемуарах И. В. Любарского; перевод дается словам как в авторской, так и в чужой речи.

2. Употребление метатекстовых слов, сопровождающих толкование иноязычного слова либо вводящие в текст сам заимствованный элемент. Этот прием может сочетаться с первым: *...в Гродненской губернии «обыватели» (то есть, польские помещики) говорят чистой польской речью* [Славутинский 1889: 53]; *Образовался особый род агентов, под названием курьерок...* [Любарский 1895б: 174]. Метатекст используется при упоминании старого топонима – эта организует пространство и время мемуарного текста: *...подъезжая к местечку Межиречью (тогда называлось Мендзержице)...* [Любарский 1895б: 173].

3. Сноски – присутствуют всего по одному разу в каждом тексте, причем построение высказываний в сносках сходное; в одном случае комментируется фонетический и графический облик слова, в другом – собственно лексема:

...подскарбием литовским графом Антонием Тызенгаузом¹⁾

¹⁾Так надо писать эту немецкую фамилию по польскому произношению [Славутинский 1889: 60];

– Что нам автономия? Что конгрессувка? ¹⁾

¹⁾Так называют поляки царство Польское [Любарский 1895а: 838].

Данная информация вполне могла быть оформлена в виде вставки (ср.: ...которые серьезно верили, что Наполеон (так произносят поляки) еще жив [Славутинский 1889: 277]), однако авторы прибегают к сноскам. Такой композиционный прием характерен для нехудожественных текстов; он присущ скорее научному, чем беллетризованному сочинению. Использование его в мемуарах служит средством реализации категории достоверности.

4. Специальное **графическое выделение** слов и выражений представлено нешироко: это либо заключение слова в кавычки, либо использование разреженного шрифта. Трудно сказать, чем руководствовались авторы, выбирая между кавычками и видом шрифта. Русский читатель в конце XIX века едва ли не мог осознавать и без этих выделений, что перед ним слово чужого языка, тем более что многие слова давно бытовали в общественном дискурсе (*повстанье*, *до лясу*, *офяра*, *ржонд*³ и другие). На протяжении текста одно и то же слово может приводиться в кавычках и без них. Графическое выделение служит реализует категории оценки и информативности.

К графическому выделению относится пометка ударения: ...паньями и паннами, одетыми в характерную ж а л ó бу [Славутинский 1889: 66] (польск. *żaloba* ‘траур’ > ‘траурная одежда’; ударение отражает рефлексию автора по поводу межъязыковой омонимии).

Приведение «аутентичной» грамматической формы иноязычного слова является типичным показателем его неассимилированности системой принимающего языка. Такие формы, сопровождаемые комментариями или графическим выделением, мы встретили преимущественно в составе чужой речи: звательные формы (*панове*, *пане консильяжу*); формы прилагательных («народовые» *начальники*, *псего* – см.: *я этого собачьего (псего) языка не желаю понимать* [Любарский 1895а: 831]); формы глагола (*проше*, *пшепрашамь*). Сохранение польского грамматического облика слов служило задачам стилизации.

³ В обоих проанализированных текстах это слово представлено лишь в такой форме, в то время как в мемуарах польского повстанца А. Ягмина, изданных в 1892 г., регулярно используется форма «жонд» [Ягмин 1892]. Русские авторы транслитерировали слово, поляк прибегал к фонетическому написанию, передавая форму, естественную для него как для носителя языка. В словаре А.Н. Чудинова 1910 г. представлены обе формы слова, основная – *жонд* [Чудинов 1910] (в первом издании словаря, 1894 г., это слово отсутствует). По поводу мемуаров А. Ягмина, в которых отражается кардинальная эволюция политических воззрений автора, также отметим, что данный источник крайне интересен в аспекте изучения категории языковой оценки.

Выводы

Слова и выражения польского происхождения широко представлены в мемуарах С.Т. Славутинского и И.В. Любарского, что естественным образом обусловлено содержанием сочинений. 53 единицы отнесены нами к маркированным польским вкраплениям. Наибольшая и самая разнообразная группа среди них – названия лиц по роду занятий либо по социальному статусу. Ни одна из описанных номинативных единиц не осталась в словарном фонде русского языка как ассимилированное иноязычное слово, принадлежащее к лексике неограниченного употребления (в отношении топонимов и антропонимов этого произойти и не могло; авторы маркировали их в текстах, чтобы дополнительно подчеркнуть противопоставление «свое – чужое»). Эти слова и выражения, несмотря на то что широко использовались в российском общественно-политическом дискурсе второй половины XIX века, остались экзотизмами или варваризмами в русской речи, причем по большинству своему устаревшими; некоторые употребляются в исторических исследованиях как термины (*довудца*, *жонд*, *косинер*, *польская справа* и др.).

Комментирование и графическое выделение не является свидетельством того, что слово вошло в русскую речь одновременно с описываемыми в мемуарах событиями. Например, слово *рухавка* (*Я должен был пойти в рухавку (ополчение) и оставил сына совсем здоровым* [Любарский 1895б: 453]) встречается в том же значении, по данным НКРЯ, в сочинениях еще 1830-х гг.

Использование маркированных польских вкраплений связано не столько с наличием в русском языке конца XIX века лексических лакун, сколько с решением стилистических и прагматических задач авторами мемуаров: обеспечение адекватного понимания текста читателем, выделение наиболее значимых в идеологическом и культурном отношении номинаций (в том числе концептов польского освободительного движения), а также выражение авторской иронии. В аспекте описания текстовых категорий маркирование иноязычной лексики служит выражением категорий оценки, информативности (передача фактуальной информации и – чаще – подтекстовой), достоверности и связности текста. Избираемые авторами мемуаров способы комментирования неассимилированной лексики отражают широкое влияние научного стиля речи на русский литературный язык второй половины – конца XIX века.

Библиография

- Агеева А.В., 2014, *Типология иноязычных вкраплений в русских текстах*, «Вестник Московского университета», серия 22: «Теория перевода», № 1, с. 153–162.
- Гадимова Д.А., 2014, *Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX–XX вв.: Автореф. дисс. д-ра филол. по филолог. наукам*, Баку.

- Гарбуль Л., 2009, *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Докторская диссертация. Гуманитарные науки, филология (04 Н), Вильнюс.
- Гарбуль Л.П., 2019, *Дополнения к списку полонизмов в русском приказном языке XVII века*, «Slavistica Vilnensis», vol. 64 (2), p. 73–84.
- Даль В.И., 1909, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 4, Санкт-Петербург.
- Захарова Ю.Г., 2019, *Иноязычные вкрапления в письмах И.С. Тургенева*, «Вестник Челябинского гос. ун-та», № 4 (426), с. 73–79.
- Любарский И.В., 1895а, *В мятежном крае (Из воспоминаний)*, «Исторический вестник», т. 59, с. 813–839.
- Любарский И.В., 1895б, *В мятежном крае (Из воспоминаний)*, «Исторический вестник», т. 60, с. 156–176, 445–464.
- Манина С.И., 2008, *Иноязычные вкрапления в аспекте прагматики*, «Культурная жизнь Юга России», № 2, с. 141–143.
- Славутинский С.Т., 1889, *Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа (Отрывок из воспоминаний)*, «Исторический вестник», т. 37, с. 53–79, 271–295.
- Удалых Г.Д., 2018, *Польские «следы» в современной русской языковой картине мира*, «Krakowskie Studia Małopolskie», vol. 23, s. 264–273.
- Уразбекова А.А., 2014, *Заимствования из польского языка в русской исторической прозе I половины XIX века*, «Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского», № 5-1, с. 140–144.
- Уразбекова А.А., 2019, *Типы и функции полонизмов в романе В. Мединского «Стена»*, «Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского», № 5, с. 245–253.
- Шетэля В., 2017, *О польских вкраплениях в русских текстах XIX века (на примере слова повстанец в русском языке)*, «Известия вузов», Серия «Гуманитарные науки», № 8 (1), с. 62–66.
- Шетэля В., 2019, *Словарь полонизмов русских текстов XIX–XX веков = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków: около 1000 словарных статей*, Москва.
- Шетэля В., 2020, *О редких полонизмах в русских текстах XIX века*, [в:] *Пушкинские чтения – 2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXV Международной научной конференции*, Санкт-Петербург, с. 380–386.
- Щитова О.Г., 2006, *Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века*, «Вестник Томского гос. ун-та», № 291, с. 195–199.
- Чудинов А.Н., 1910, *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, Санкт-Петербург, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (12.12.2020).
- Ягмин А., 1892, *Воспоминания польского повстанца 1863 года. Части 1–4*, «Исторический вестник», т. 49, с. 561–585; т. 50, с. 74–98, 413–431, 715–732.
- Witkowski W., 2006, *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, Kraków.

Transliteration

- Ageeva A.V., 2014, *Tipologiâ inoâzyčnyh vkraplenij v russkikh tekstah*, «Vestnik Moskovskogo universiteta», seriâ 22: «Teoriâ perevoda», № 1, s. 153–162.
- Gadimova D.A., 2014, *Semantiko-grammatičeskaâ i stilističeskaâ adaptaciâ polonizmov v rusском literaturnom âzyke XIX–XX vv.*: Avtoref. disc. d-ra filos. po filolog. naukam, Baku.
- Garbul' L., 2009, *Semantičeskie polonizmy v rusском prikaznom âzyke pervoj poloviny XVII veka*. Doktorskaâ dissertaciâ. Gumanitarnye nauki, filologiâ (04 N), Vil'nûs.
- Garbul' L.P., 2019, *Dopolneniâ k spisku polonizmov v rusском prikaznom âzyke XVII veka*, «Slavistica Vilnensis», vol. 64 (2), p. 73–84.
- Dal' V.I., 1909, *Tolkovyj slovar' živogo velikorusского âzyka*, t. 4, Sankt-Peterburg.
- Zaharova Ū.G., 2019, *Inoâzyčnye vkrapleniâ v pis'mah I.S. Turgeneva*, «Vestnik Čelâbinskogo gos. un-ta», № 4 (426), s. 73–79.
- Lûbarskij I.V., 1895a, *V mâtežnom krae (Iz vospominanij)*, «Istoričeskij vestnik», t. 59, s. 813–839.
- Lûbarskij I.V., 1895b, *V mâtežnom krae (Iz vospominanij)*, «Istoričeskij vestnik», t. 60, s. 156–176, 445–464.
- Manina S.I., 2008, *Inoâzyčnye vkrapleniâ v aspekte pragmatiki*, «Kul'turnaâ žizn' Ūga Rossii», № 2, s. 141–143.
- Slavutinskij S.T., 1889, *Gorod Grodno i Grodnenskaâ guberniâ vo vremâ poslednego pol'skogo mâteža (Otryvok iz vospominanij)*, «Istoričeskij vestnik», t. 37, s. 53–79, 271–295.
- Udalyh G.D., 2018, *Pol'skie «sledy» v sovremennoj rusской âzykovoj kartine mira*, «Krakowskie Studia Małopolskie», vol. 23, s. 264–273.
- Urazbekova A.A., 2014, *Zaimstvovaniâ iz pol'skogo âzyka v rusской istoričeskoj proze I poloviny XIX veka*, «Vestnik Nižegorodskogo un-ta im. N.I. Lobačevskogo», № 5-1, s. 140–144.
- Urazbekova A.A., 2019, *Tipy i funkcii polonizmov v romane V. Medinskogo «Stena»*, «Vestnik Nižegorodskogo un-ta im. N.I. Lobačevskogo», № 5, s. 245–253.
- Šetělâ V., 2017, *O pol'skikh vkrapleniâh v russkikh tekstah XIX veka (na primere slova povstanec v rusском âzyke)*, «Izvestiâ vuzov», Seriâ «Gumanitarnye nauki», № 8 (1), s. 62–66.
- Šetělâ V., 2019, *Slovar' polonizmov russkikh tekstov HHH–HH vekov = Słownik polonizmów rosyjskich tekstów XIX–XX wieków: okolo 1000 słownych statej*, Moskva.
- Šetělâ V., 2020, *O redkikh polonizmah v russkikh tekstah XIX veka*, [v:] *Puškinskie čteniâ – 2020. Hudožestvennye strategii klassičeskoj i novej slovesnosti: žanr, avtor, tekst. Materialy XXV Meždunarodnoj naučnoj konferencii*, Sankt-Peterburg, s. 380–386.
- Ŝitova O.G., 2006, *Pol'skie zaimstvovaniâ v tomskoj razgovornoj reči XVII veka*, «Vestnik Tomskogo gos. un-ta», № 291, s. 195–199.
- Čudinov A.N., 1910, *Slovar' inostrannyh slov, vošedših v sostav rusского âzyka*, Sankt-Peterburg, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (12.12.2020).
- Âgmin A., 1892, *Vospominaniâ pol'skogo povstanca 1863 goda*. Časti 1–4, «Istoričeskij vestnik», t. 49, s. 561–585; t. 50, s. 74–98, 413–431, 715–732.

**Polish Inclusions in Russian Memoirs
of the End of the 19th Century in the Light of the History of the Russian
Literary Language and Linguistics of the Text**

Summary

Based on the material of the Russian memoirs of the late 19th century, dedicated to the events of the uprising of 1863, the article describes lexical and grammatical inclusions from the Polish language, marked by the authors as nominative units not mastered in Russian speech. A semantic classification of Polish inclusions is carried out and the prevalence of persons' names by occupation and social status among them is revealed. The ways of marking foreign language elements in the author's speech are shown (translation, commenting, graphic highlighting). The functions of marking foreign language inclusions are determined: ensuring adequate understanding of the text by the reader, highlighting the most important ideologically nominations, expressing the author's irony. The influence of the Russian scientific style on the style of memoirs is stated. It is shown that the marking of Polish inclusions expresses the categories of assessment, informativeness, reliability and coherence of the text.

Key words: borrowing, foreign language inclusion, Polish language, Russian language, vocabulary, text function, memoirs, 19th century